

Информационная составляющая гибридной войны

Денис РЯБОВ

Проблематика гибридной войны уже давно не только присутствует в научных и околонаучных дискуссиях, но всё чаще фигурирует как актуальная угроза современной безопасности в официальных выступлениях политиков, военных и гражданских доктринах. Однако в этом вопросе утверждение Гегеля: «Известное вообще – от того, что оно известно, ещё не познано»¹, приобретает особую значимость.

Нередко тема гибридной войны встроена в разного рода неомифологические конструкции, где смешиваются научные способы познания и информация мистического характера, не вызывающая доверия, что компрометирует не столько конкретного человека, сколько всё эпистемологическое поле. Представляется, что это зачастую и является реальной целью подобных изысканий. Снабжённый заведомо ложной информацией, попадая под шквал разгромной критики, автор (журналист, учёный, аналитик) выполняет роль «слепого агента» и решает тем самым одну из задач любой войны (в том числе и гибридной), о которой писал ещё Сунь-Цзы² и выполнению которой как первоочередной учат в военных вузах. Речь идёт о дезинформации противника и введении его в заблуждение. Исследования в данной области не только описывают существующие реалии, но и сами конструируют их, являясь оружием в гибридной войне. Поэтому так важно макси-

РЯБОВ Денис Александрович – специалист-эксперт аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Центральном федеральном округе. *E-mail:* d.rbv@yandex.ru

Ключевые слова: гибридная война, информационно-психологические операции, ментальное воздействие, «мягкая сила».

¹ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 22.

² Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: АСТ, 2024. – 192 с.

мально объективно изучать феномен гибридной войны в отечественной системе координат.

Актуальность и важность исследований в данной сфере определяется вновь возросшей геополитической напряжённостью, очередным кризисом мировой капиталистической системы, обострившим борьбу за пространства и ресурсы государственных и негосударственных акторов мировой политики, противоречия между ними. Специальная военная операции на Украине является одним из горячих участков гибридной войны коллективного Запада под руководством США, корни которой уходят как минимум во времена холодной войны. Однако само понятие возникло относительно недавно – в нулевые годы XXI в.

Понятие «гибридная война»: подходы и оценки

Считается, что впервые концепция гибридной войны была озвучена на конференции по обороне, организованной Институтом ВМС США и Ассоциацией Корпуса морской пехоты в сентябре 2005 г. Позже это нашло отражение в статье генерал-лейтенанта Дж. Мэттиса* и военного теоретика, подполковника Корпуса морской пехоты США в запасе Ф. Хоффмана³.

Авторы определили гибридную войну как сочетание регулярных и иррегулярных боевых действий, взяв в качестве примера четыре типа существующих и возникающих угроз национальной безопасности Соединённых Штатов, сформулированных в Национальной оборонной стратегии от 2005 г.⁴:

– традиционные – исходят от государств, обладающих военным потенциалом, достаточным для открытого военного противостояния и участия в классических военных конфликтах;

– нетрадиционные – исходят от тех, кто использует необычные (*unconventional*) средства ведения войны против более сильного противника (терроризм, партизанская война, организация беспорядков, война без правил – неимитированное насилие, наркопреступность);

– катастрофические – исходят от приобретения, распространения и использования оружия массового поражения или других средств и методов (ОМУ), эффект от которых будет сопоставим с применением ОМУ;

– разрушительные – исходят от противников, разрабатывающих и использующих прорывные технологии для минимизации преимуществ США в ключевых областях (экономической) деятельности.

По мнению авторов, наиболее вероятные противники США не столько те, кто благодаря своей военной мощи чувствует себя относительно спокойно в традиционном противостоянии, сколько государства и не-

³ Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine // URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>

⁴ The National Defense Strategy of the United States of America // Department of Defense // URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2005_NDS.pdf

* С 2017 по 2019 г. Дж. Мэттис занимал пост министра обороны США.

государственные акторы, которые способны применить неожиданные сочетания технологий и тактик и не играть по общепринятым правилам. Они будут стремиться получить приоритет во времени и месте, аккумулируя и усиливая эффект от своей деятельности с помощью СМИ, т. е. ведя информационную войну против США. В то же время вероятный противник не будет вести свою войну в соответствии с одной из угроз, определённых Стратегией национальной безопасности. Напротив, рассматривая четыре разновидности угроз как меню, будет выбирать наиболее эффективное сочетание приёмов и тактик, а Штаты, таким образом, будут сталкиваться не с отдельными видами угроз, а с их различными комбинациями, т. е. с гибридными войнами.

С середины 2010-х годов ряд англоязычных авторов⁵ описывает изменившийся характер боевых действий, отмечая смешение военных и невоенных технологий в рамках одной операции, а также перманентный характер военных действий, что в общем укладывается в определение «гибридная война» Мэттиса – Хоффмана.

Во многом такие подходы западных военных основаны на концепции войны четвёртого поколения, которая разрабатывалась в США с конца прошлого столетия. В частности, вице-адмирал А. Сибровски и аналитик Комитета начальников штабов Дж. Гарстки предложили пересмотреть традиционную военную теорию и заменить её сетевцентричной концепцией: армия, военные и гражданские специалисты, иррегулярные формирования, разведка, наука, журналистика, дипломатия, экономика и общественная жизнь – всё это формирует единую сеть с замкнутым контуром информации⁶.

В отечественной научной литературе принято более расширенное толкование гибридной войны. Чаще всего она понимается как согласованное применение военных и невоенных (политических, экономических, информационных и т. д.) методов. В свою очередь, театром военных действий называются все основные сферы жизнедеятельности общества. Вместе с тем большинство учёных предлагают описательное определение данного понятия, перечисляя признаки гибридной войны в различных областях жизни общества⁷.

⁵ Kilcullen D., Pendleton G. Future urban conflict technology and the protection of civilians: Real-World Challenges for NATO and Coalition Missions. The Stimson Center // URL: <https://www.stimson.org/2021/future-urban-conflict-technology-and-the-protection-of-civilians/>; Mumford A. Proxy Warfare and the Future of Conflict // The RUSI Journal // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03071847.2013.787733?scroll=top&needAccess=true>; Parameswaran P. Are We Prepared for 'Hybrid Warfare'? // The Diplomat // URL: <https://thediplomat.com/2015/02/are-we-prepared-for-hybrid-warfare/>; Arquilla J., Ronfeldt D., Tofler A., Tofler H. Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Santa-Monika // RAND Corporation, 1997. P. 275–294.

⁶ Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future // Proceedings. US Naval Institute, 1998. January. Vol. 124. P. 28–36 // URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>

⁷ Кузнецов И.И. Трансформация форм войны в современной политике // Гибридные войны в хаотизирующемся мире / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 292; Радиков И.В. Войны-хамелеоны: изменение характера вооружённой борьбы в XXI веке // Гибридные войны в хаотизирующемся мире / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 213.

Данная ситуация связана с тем, что все исследования так или иначе исходят из опорной максимы К. фон Клаузевица о войне как о продолжении политики другими средствами⁸. Рассмотрение гибридной войны как процесса исключительно политического ведёт к перечислению параметров существования феномена, но не приводит к выявлению его сущности. Гибридная война – это явление геополитическое и в полном объёме может быть рассмотрено только в этой исследовательской парадигме: «Гибридная война есть совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно»⁹. Она идёт во всех социальных пространствах и на всех уровнях:

- географическом – традиционные локальные войны, «цветные революции», поощрение терроризма;

- экономическом – санкции, организация оттока наиболее перспективных молодых специалистов из страны-объекта агрессии;

- информационно-идеологическом – фальсификация истории, подмена ценностей, навязывание чуждого образа жизни, десакрализация образов национальных героев, раскачивание основных постулатов базовых религий страны, навязывание и поощрение разрушительных общественных практик (пьянство, нарко-

мания, сексуальная распущенность и т. д.);

- кибернетическом – хакерство, антихакерство.

Военные действия при этом присутствуют непосредственно в качестве средства давления, шантажа, ограничения сопротивления. При этом ведущие гибридную войну чаще всего действуют через своих прокси. Так, например, сейчас страны НАТО ведут военные действия против России руками украинцев.

Многие тем не менее в нашей стране, например директор Центра анализа стратегий и технологий Р.Н. Пухов, считают, что «...при более объективном взгляде на вещи очевидно, что употребление термина “гибридная война” носит более пропагандистский, нежели классификационный характер, поскольку любые попытки сформулировать определение “гибридной войны” ведут к тому, что смысл новизны этого термина теряется»¹⁰. В глоссарии журнала «Россия в глобальной политике», раскрывающем наиболее важные понятия, используемые для описания российской внешней политики, одна из статей посвящена гибридной войне. Автор пишет о том, что концепции гибридной войны упрощают борьбу между странами, «использование ярлыка гибридной войны уводит нас в сторону от того факта, что мы имеем дело с набором весьма традиционных приёмов борьбы, восходящих к началу XX века или более ранним временам»¹¹, а приписыва-

⁸ Клаузевиц К. фон. О войне. М.: Яуза, 2023. – 160 с.

⁹ Комлева Н.А. Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. 2017. № 3. С. 128–137.

¹⁰ Пухов Р. Миф о гибридной войне // Независимая газета. 2015. 29 мая.

¹¹ Кашин В.Б. Гибридная война // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1. С. 105–111.

ние стране гибридной стратегии он предлагает рассматривать как политику по её изоляции.

Критики концепции гибридных войн есть и за рубежом: Р. Гленн, Д. Садовски, Дж. Беккер.

Например, Гленн, считая концепцию Мэттиса – Хоффмана недостаточно убедительной, пишет, что она не может считаться доктриной¹².

Садовски и Беккер настаивают, что узкая дефиниция «гибридность» не позволяет отразить ключевые черты описываемого понятия, а широкая будет слишком расплывчата.

Таким образом, попытки ухватить суть гибридности, по мнению авторов, неизбежно ведут к смешению концепций и дескриптивному описанию всего спектра военных операций (*full spectrum operations*) и не содержат ничего определённого, порождая вопрос: «И что же в “гибридной” угрозе нового?»

При этом существенным недостатком концепции Мэттиса – Хоффмана является отсутствие чёткого понимания, какие силы и средства задействуются в гибридной войне, а также каким образом. Хотя отмечается и позитивный момент определения гибридной угрозы по Мэттису – Хоффману, так как освещается её сложность и многосоставность¹³.

Но, как справедливо заметил А.А. Бартош, «практика показывает, что термины “гибридные войны” (как и “цветные революции”) описывают

объективные, реально существующие явления, которые оказывают заметное влияние на национальную и международную безопасность»¹⁴. Ссылаясь на данные российского Генерального штаба, он пишет, что на сегодняшний день вклад военных и невоенных методов борьбы в общий политический результат войны составляет 1:4 не в пользу военных.

Таким образом, термин «гибридная война» всё же носит классификационный характер. В настоящее время гибридная война представляет элемент общей трансформации категории безопасности, включая диверсификацию института войны и коррекцию самого характера военных действий. Гибридная война в современных условиях носит комплексный, тотальный характер и является основной формой геополитического противоборства. В ней нет линий фронтов, так как она далеко выходит за рамки географического пространства. Стираются границы между войной и миром, между разрешёнными и запрещёнными средствами борьбы, нет строго очерченного круга участников.

Однако классическое определение войн, данное Клаузевицем: «Война есть единоборство крупного масштаба, акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»¹⁵, нельзя понимать только с точки зрения военной мощи. В современных усло-

¹² Glenn R.W. All Glory Is Fleeting. Insights from the Second Lebanon War. Santa Monica, Ca Rand: National Defense Research Institute, 2012. – 97 p.

¹³ Sadowski D., Becker J. Beyond the “Hybrid” Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare // Small Wars Journal. 2010 // URL: <https://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/344-sadowski-et-al.pdf>

¹⁴ Бартош А.А. Гибридная война: интерпретация или реальность // Независимое военное обозрение // URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-09-16/1_war.html

¹⁵ Клаузевиц К. О войне. С. 44.

виях, когда у основных игроков на глобальной «шахматной доске» есть оружие массового уничтожения такой мощи, что его достаточно для всего живого на Земле, основные сражения происходят в очень тонкой и невидимой глазу плоскости. «Духовная брань» на протяжении веков была уделом монахов. Но сегодня основная мощь направлена именно на смыслы, образы, ценности, менталитет общества-противника – духовный стержень любой державы.

Неслучайно аналитики и эксперты особо выделяют при перечислении невоенных видов боевых действий способы воздействия на информационное и ментальное поле противника:

– кибернетические (поражение информационно-коммуникационных систем противника);

– информационно-психологические (мировоззренческие);

– информационно-управленческие (навязывание чуждой и разрушительной модели власти);

– финансово-экономические (запуск на территории противника системы выгодной только атакующей стороне);

– вирусологические (поражающие и тормозящие работу всех жизненно важных систем государства и общества: бюрократия, коррупция, непрофессионализм)¹⁶.

Из этого перечня неконвенциональных способов воздействия видно, что особенностью гибридной войны, отличающей её от войн предыдущих поколений, является то, что решающую роль в достижении цели и исходе войны играет не военная мощь государства (*hard power*), а так называемая мягкая сила.

Информационное поле гибридной войны

В условиях глобализации и информационно-технологической революции арсенал обычного и ядерного оружия, направленного на физическое уничтожение противника, постоянно дополняется технологиями уничтожения его когнитивного поля¹⁷, ориентированными на духовные, ценностно-мотивационные сферы деятельности людей. Задачи оккупации территории противника и захвата его ресурсов, оставаясь приоритетными, отходят тем не менее на второй план, а на

первый выходят задачи установления стратегического, всеохватывающего контроля над сознанием населения страны – объекта агрессии и получения полной власти над будущим завоёванного государства, задачи неотъемлемого компонента гибридной войны – войны информационной.

В современной научной литературе этот термин используется в двух разных смыслах:

– *первый* – информационно-коммуникационный;

¹⁶ Ивашов Л.Г. Геополитика. Лекции. Факультет международной журналистики МГИМО МИД РФ // Личный архив автора.

¹⁷ Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. Кино – инструмент когнитивной войны // Обозреватель–Observer. 2024. № 1. С. 42.

– второй – коммуникативный¹⁸.

В первом случае имеется в виду использование информационного оружия с целью доступа к закрытой информации противника и влияния на его системы подобной информации, т. е. затрагивается в большей степени техническая сторона вопроса.

Во втором – информационно-психологические операции, психологическая война, которую рассматривают исходя из важности информационно-психологического измерения гибридной войны как основной формы геополитического противоборства на современном этапе.

Традиционно под информационной войной (ИВ) понимается «комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных действий»¹⁹. Ключевое отличие ИВ от войны в физическом пространстве – то, что первая является «скорее манипулятивной, а не поражающей». Показательно, что в зарубежной литературе в отношении информационного оружия используется термин «оружие массовых разрушений» (*weapon of mass disruption*) в противовес традиционному «оружию массового поражения» (*weapon of mass destruction*)²⁰.

Важно отметить, что суть понятия «информационная война» в контексте выбранной исследовательской парадигмы равнозначна таким терминам, как «психологическая война», «информационное противоборство», «информационно-психологическая война», «информационно-психологическая операция».

Феномен информационной войны не новый. Однако сам термин появился только в последней четверти XX в., его происхождение нечётко.

Некоторые полагают его автором канадского философа и филолога Г.М. Маклюэна, крупнейшего исследователя воздействия средств коммуникации на общество. Пожалуй, он первым (ещё в 1964 г.) зафиксировал: «Истинно тотальная война – это война с помощью информации»²¹.

Ряд отечественных авторов полагает, что впервые этот термин употребил Т. Рон в 1976 г. в отчёте «Системы оружия и информационная война», где подчеркнул, что «информационная инфраструктура является ключевым аспектом американской экономики, в то же самое время она становится и уязвимой целью как в военное, так и в мирное время»²².

Другие отдают пальму первенства китайским товарищам, в частности, теоретику информационной войны Шэн Вэйгуану, который ак-

¹⁸ Паршин П.П. Глобальное информационное общество и мировая политика // Аналитические доклады ИМИ МГИМО. 2009. Вып. 2. С. 32–35.

¹⁹ Вирен Г. Современные медиа: приёмы информационных войн. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 5.

²⁰ Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство. М.: Харвест, 2004. С. 96.

²¹ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Научное издание, 2007. С. 211.

²² Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. Т. 2. С. 277.

тивно стал использовать это понятие с 1985 г.²³

В лексиконе военных специалистов понятие ИВ появилось в середине 80-х годов в связи с новыми задачами вооружённых сил США после окончания холодной войны, а широкое распространение в СМИ получило после проведения операции «Буря в пустыне» (1991 г.), где новые информационные технологии впервые были использованы как средство ведения боевых действий.

Официально термин впервые был введён в директиве министра обороны США от 21 декабря 1992 г. и в директиве TS.3600.1 Комитета начальников штабов вооружённых сил США. Детальное изложение и разъяснение он получил в Меморандуме № 30 (1993 г.) Министерства обороны и Комитета начальников штабов вооружённых сил США.

Справедливости ради стоит отметить, что китайские военные теоретики ещё задолго до новой эры постулировали, что война на поле боя является следствием провальной политики и стратегии, рассматривая её как органическое целое, начиная с дипломатии и мобилизации и заканчивая шпионажем. Сунь-Цзы напутствовал воинов информационных битв прошлого: «Разлагайте всё хорошее, что есть в стране вашего противника; ...подрывайте престиж руководства и выставляйте его в нужный момент на позор обществу; ...разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны; подстрекайте

молодёжь против стариков; ...посылайте женщин лёгкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения; будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации»²⁴.

Кроме того, нельзя забывать о чрезвычайном значении морально-психологической подготовки бойца, которую можно рассматривать в качестве оборонительных или контр-наступательных информационно-психологических операций.

О главенствующей роли психологии и информации в изменяющейся природе войны писали русские военные мыслители XX столетия.

Например, полковник императорского Генштаба Е.Э. Месснер, внёсший существенный вклад в развитие военной науки, разработавший концепцию мятежевойны ещё в 1960 г. отмечал: «...Создалась новая форма вооружённых конфликтов, которую назовём мятежевойной, в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения. ...Если в войнах классического типа психология постоянных армий имела значение, то в нынешнюю эпоху всенародных войск и народных воюющих движений психологические факторы стали доминирующими. Народное войско – психологический организм, народное движение – сугубо психологическое явление. Война войск и народных движений – мятежевойна – психологическая война»²⁵.

²³ Цит. по: Панарин И.Н. Китай: усиление сверхдержавы // URL: <http://panarin.com/diplomat/30-kitay-usilenie-sverhderzhavy.html>

²⁴ Сунь-Цзы. Искусство войны. С. 52.

²⁵ Хочешь мира, победи мятежевойну. Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Русский путь, 2005. С. 134.

Если обратиться к истории холодной войны, то увидим, что основным средством её ведения были информационно-идеологические операции²⁶. Что же касается современного осмысления психологического и информационного аспектов гибридной войны, то учёные отмечают, что в войнах будущего нельзя делать упор только на технологии.

Так, Дж. Мэттис и Ф. Хоффман, взяв за основу «трёхблочную (трёхступенчатую) войну» генерала Ч. Крулака*, расширяют её, вводя «четвёртый блок» – пространство, в котором противники не находятся физически, но могут коммуницировать. «Четвёртое измерение» – это война идей и смыслов. А продуцируемые США идеи, по мнению военных аналитиков, должны быть более привлекательными, чем идеи их соперников. Кроме того, в каждом из трёх других блоков также присутствует компонент информационного противостояния – любое действие или бездействие имеет в том числе и информационное измерение²⁷.

Таким образом, можно констатировать: если в войнах доядерной эпохи информационно-психологические операции играли существенную роль, то в эпоху гибридных войн

они выделились в самостоятельное явление – информационную войну. И, как отмечал Е.Э. Месснер, «в прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве»²⁸.

Современные исследователи так определяют задачи субъекта информационно-психологического противоборства:

- навязывание стандартов образа жизни и системы ценностей, выгодных нападающей стороне;
- формирование стереотипов в области воспитания и образования, выгодных атакующей стороне;
- использование акций информационной войны для разжигания расовой, национальной и конфессиональной розни, провоцирование конфликтов на данной почве;
- стимулирование и поддержка сепаратизма и иных центробежных тенденций;
- пропаганда насилия и порнографии с целью разрушения духовных ценностей гражданского общества;
- разрушение гражданского и национального самосознания и представлений граждан о долге перед страной²⁹.

²⁶ Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / сост. И.М. Ильинский. М.: МосГУ, 2006. – 504 с.; Кейзеров Н.М. Идеологические диверсии. М.: Мысль, 1979. – 276 с.; Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М.: Центрполиграф, 2013. – 445 с.; Клайн Р. ЦРУ. От Рузвельта до Рейгана. М.: Liberty Publ., 1989. – 411 с.

²⁷ Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare.

²⁸ Хочешь мира, победи мятежевойну. С. 231.

²⁹ Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. М.: Эксмо, 2006. С. 97–98.

* Первый блок – храбро сражаться, второй блок – оказывать гуманитарную помощь, третий – разводить воюющие стороны (Krulak Ch. The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War // Marines Magazine. 1999, January // URL: <https://www.mca-marines.org/wp-content/uploads/1999-Jan-The-strategic-corporal-Leadership-in-the-three-block-war.pdf>).

Этот список можно продолжить такими действиями, как:

- навязывание руководству конкурента ложной или бессодержательной информации, лишаящей его возможности правильно воспринимать события или текущую обстановку и принимать верные решения;
- поддержание благоприятного общественного мнения;
- организация массовых демонстраций под ложными лозунгами;
- пропаганда и распространение ложных слухов³⁰.

Основной формой осуществления акций информационной войны являются информационно-психологические операции. Они представляют собой вид тайных операций, которые осуществляются путём оказания управляющего информационного воздействия на:

- индивидуальное, групповое и массовое сознание, чувства, волю граждан другой стороны;
- дезинформирование субъектов принятия политических, экономических и иных решений;
- подрыв информационной инфраструктуры другой стороны.

Информационно-психологические операции ориентированы на формирование условий для принятия выгодных для зарубежных государств и их деловых кругов решений в военной, политической, экономической и других областях в странах-мишенях, являющихся объектами информационно-психологического воздействия. «Стандартная, применяемая западными центрами ин-

формационно-психологическая операция представляет собой последовательность вбросов, разделённых периодами экспозиции (информационной «тишины») и согласованных по времени, целям, задачам и объектам воздействия. С помощью вбросов, содержащих заведомо провокационную информацию, объект атаки пытаются вывести на эмоции и совершение необдуманных поступков, которые затем становятся предметом острой критики и в итоге ведут к его дискредитации»³¹.

Тайные информационные операции включают в себя две разновидности:

- информационно-психологические или дезинформационные операции, осуществляемые путём доведения до объектов воздействия специально подготовленной информации через электронные, печатные и иные средства массового информирования, средства электронной и почтовой связи, аудио-, видео- и кинопродукцию, компьютерные игры, открытые телекоммуникационные сети, наглядно-демонстрационные средства;
- диверсионные операции по выводу из строя или нарушению нормального функционирования теле- и радиопередающих центров и ретрансляторов, объектов СМИ, информационно-телекоммуникационных систем и сетей связи, автоматизированных систем управления войсками, оружием, объектами жизнеобеспечения, экологически опасными производствами и объектами путём поджога, взрыва, применения

³⁰ Вепринцев В.Б. [и др.]. Операции информационно-психологической войны. М.: Научное издание, 2023. С. 81.

³¹ Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель—Observer. 2019. № 2. С. 7–8.

разрушительных электромагнитных импульсов, воздействия вирусов,

аппаратных или программных закладок и др.³²

Медиа – инструмент информационно-психологических операций

Медийная составляющая информационных операций – важнейший инструмент гибридных войн. Кроме того, в самом медиапространстве методы и приёмы информационно-психологических операций играют значительную роль. Многие исследователи выделяют манипулятивное воздействие на общественное сознание в качестве такой же легитимной функций СМИ, как и информационная, коммуникативная, социальная, обучающая, познавательная, культурная, гедонистическая и т. д.

Формы и методы информационно-психологического противоборства изучались некоторыми специалистами по пропаганде ещё в 20–30-е годы XX в.

Например, в США этим занимался Институт анализа пропаганды.

Именно там было выведено семь основных приёмов когнитивной обработки и манипуляции общественным сознанием, основываясь на анализе деятельности пропагандистской машины Третьего рейха, а именно:

- приклеивание ярлыков;
- перенос;
- ссылка на авторитеты;
- «свои ребята» или «игра в про-
стонародность»;

- перетасовка карт;
- «сияющие обобщения» или «блестательная неопределённость»;
- «общий вагон» или «фургон с оркестром»³³.

Г.В. Вирен выделяет ряд приёмов ведения информационно-психологических операций в СМИ³⁴. В этом ряду такие практики, как:

- полная дезинформация (явная ложь);
- сокрытие существенной информации;
- смещение понятий; преувеличение или преуменьшение с целью дезинформации;
- применение позитивных клише, в реальности ничего не значащих;
- ссылка на несуществующие основания и ложная увязка и представление сомнительного тезиса как доказанного;
- апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного;
- информационное табу;
- навешивание ярлыков;
- поиск поводов к драматизации и обострению ситуации;
- апелляция к эмоциям;
- осмеяние³⁵.

Отечественные исследователи также обращают внимание на такой

³² Вепринцев В.Б. Операции информационно-психологической войны. С. 175.

³³ Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. – 260 с.

³⁴ Вирен Г. Современные медиа. С. 32.

³⁵ Цит. по: Данилова А.А. Манипулирование словом в СМИ. М.: КДУ, 2014. – 234 с.

сегодня широко распространённый вид информационно-психологической операций в СМИ, как контролируемая утечка секретной информации.

Контролируемая утечка – наиболее распространённая разведывательная операция, цель которой – «дезинформация противника путём передачи ему под видом достоверной информации заведомо ложных или специально сфабрикованных сведений секретного характера, путём создания иллюзии случайной утраты этих сведений секретноносителями из-за проявленных ими халатности или неосторожности. При проведении такой операции секретные сведения умышленно теряются секретноносителем (забываются в гостиничных номерах, теряются по пути следования и т. д.) либо остаются на некоторое время без присмотра, в результате чего становятся достоянием третьих лиц (журналистов, аккредитованных на секретном объекте, установленных разведчиков противника или их агентуры, и др.), которые затем и придают их огласке. Реже сфабрикованными сведениями секретного характера “накачивают” кадрового сотрудника спецслужб, уже совершившего акт предательства или только ещё собирающегося стать перебежчиком (Сноуден) и затем дают ему уйти за рубеж»³⁶.

Все перечисленные выше приёмы реализуются при помощи соответствующей лексики. Медиапространство вообще – территория текста. Поэтому важно выделить некоторые приёмы, связанные исключительно со словоупотреблением, а именно:

– *эвфемизм* – замена конкретного термина нейтральным по смыслу и эмоциональной нагрузке словом, которое считается неприличным или неуместным (террористы, боевики, повстанцы);

– *синекдоха* – стилистический приём, при котором название общего переносится на частное (армия Каддафи, войска Асада);

– *приём размытого источника* характеризуется широко применяемыми в быту и СМИ приёмами – «говорят, что...», «по сведениям обозревателей», «по свидетельствам очевидцев», «всем известно» и т. д.

Особое место в современном глобальном информационном противоборстве занимает Интернет. Причём электронные СМИ или новые медиа, фактически по Ленину, стали «не только коллективным пропагандистом и коллективным агитатором, но и коллективным организатором». Именно социальные сети стали эффективными организаторами акций протеста и антиправительственных выступлений в странах «арабской весны» (Тунис, Египет, Сирия), во время протестных акций в Белоруссии (август 2020 г.), весной в Тбилиси (2024 г.) и в целом ряде других стран.

«Создание с использованием технологий сетевого маркетинга и рекламного менеджмента гигантских социальных големов позволяет охватить значительное число протестного электората всех спектров, привлечь их на улицу различными, зачастую полностью противоречащими друг другу обещаниями, а также простым любопытством либо желанием “вырваться” из размерен-

³⁶ Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции. С. 13–14.

ной повседневности. В результате деятельности новых социальных медиа формируется ризомофная нелинейная среда, обладающая креативным потенциалом самоорганизации»³⁷.

Согласно Ж. Делёзу и П.-Ф. Гваттари, которые первыми описали ризомность в 1976 г., у ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода. Связи линий ризомы образуют так называемое плато – временную зону устойчивости в её постоянно пульсирующей конфигурации³⁸. В случае организации любых протестных акций в роли «плато» выступает тот или иной ресурс.

Например, в Белоруссии им был телеграмм-канал *Nexth**, породивший массу гетерогенных структур (десятки ТК), посредством которых информация управляла материей-массами. Возникшая горизонтальная сетевая регуляция способна бросить вызов государственной вертикали.

Неуклонный рост информационно-организационной силы Интернет – СМИ делает их особенно привлекательными для организаторов информационной войны, которые активно используют такие характеристики новых медиа, как:

– прямой доступ к аудитории – отсутствие посредника в лице руководства издания, телеканала, радиостанции и т. д.;

– широту и огромную скорость распространения информации;

– игнорирование требований, являющихся обязательными в большинстве СМИ – проверка достоверности, сбалансированность, объективность;

– анонимность;

– ограниченную юридическую ответственность;

– мультимедийность;

– роль специфики заголовков.

Значение информации всегда было велико. Но если раньше основная ценность заключалась в доступе к ней, то с развитием информационно-коммуникационных технологий рядовой потребитель информации (он же «рядовой информационной войны») сталкивается с её огромными потоками, которые не в состоянии ни осмыслить, ни проанализировать. Доступ к Интернету открывает перед ним практически неограниченные возможности по её поиску. Однако неприятель посредством вышеописанных приёмов ведения информационно-психологической борьбы не только затрудняет формирование объективной картины мира, но и сам агрессивно формирует ложные ментальные установки и паттерны, имеющие деструктивный характер и направленные на разрушение основ нашей цивилизации. Поэтому вопрос контроля над информационной повесткой – это вопрос выживания нашей страны.

³⁷ Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель–Observer. 2021. № 2. С. 13.

³⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.

* 8 апреля 2022 г. Верховный Суд Республики Беларусь признал телеграмм-каналы Nexta, Nexta Live и Luxta террористическими организациями и запретил их деятельность на территории страны.

Во время Прямой линии 14 декабря 2023 г. президент В.В. Путин в очередной раз подчеркнул, что существование России без суверенитета невозможно³⁹. Вставшая на путь его укрепления, наша страна сталкивается с колоссальным давлением извне. Специальная военная операция на Украине лишь один из видимых горячих участков битвы за суверенное будущее.

Однако современное геополитическое противостояние не ограничено географическими рамками, война не сводится к линии фронта.

В цифровую эпоху границы между миром и войной размыты и часто проходят на страницах СМИ, в учебных заведениях, на театральных подмостках и концертных площадках. Иными словами, гибридная война имеет всеохватный характер, её основные сражения происходят в тонкой и часто невидимой плоскости, где информация – главное оружие, а цель – ментальное поле общества-мишени. Кратно возросшие объёмы информации, а также стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий позволяют противнику вести каждодневную войну за сознание населения, оказывать воздействие на его поведение. Понимание этого факта позволит выработать единственно верную – победительную – стратегию противостояния, а значит, сохранение суверенной России.

Библиография • References

Бартош А.А. Гибридная война: интерпретация или реальность // Независимое военное обозрение // URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2016-09-16/1_war.html

[*Bartosh A.A.* Gibridnaya vojna: interpretaciya ili real'nost' // Nezavisimoe voennoe obozrenie // URL: http://nvo.ng.ru/sonsepts/2016-09-16/1_war.html]

Вепринцев В.Б. [и др.]. Операции информационно-психологической войны. М.: Научное издание, 2023. – 496 с.

[*Veprincev V.B.* [i dr.]. Operacii informacionno-psihologicheskoy vojny. M.: Nauchnoe izdanie, 2023. – 496 s.]

Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противоборства. М.: Эксмо, 2006. – 192 с.

[*Voroncova L.V., Frolov D.B.* Istoriya i sovremennost' informacionnogo protivoborstva. M.: Eksmo, 2006. – 192 s.]

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. – 495 с.

[*Gegel' G.V.F.* Fenomenologiya duha. M.: Nauka, 2000. – 495 s.]

Главный противник: Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. / сост. И.М. Ильинский. М.: МосГУ, 2006. – 504 с.

[*Glavnyj protivnik: Dokumenty amerikanskoj vneshnej politiki i strategii 1945–1950 gg.* / sost. I.M. Il'inskij. M.: MosGU, 2006. – 504 s.]

Гриняев С.Н. Поле битвы – киберпространство. М.: Харвест, 2004. – 448 с.

[*Grinyaev S.N.* Pole bitvy – kiberprostranstvo. M.: Harvest, 2004. – 448 s.]

Данилова А.А. Манипулирование словом в СМИ. М.: КДУ, 2014. – 234 с.

[*Danilova A.A.* Manipulirovanie slovom v SMI. M.: KDU, 2014. – 234 s.]

³⁹ Путин назвал невозможным существование РФ без суверенитета // ТАСС // URL: <https://tass.ru/politika/19533865>

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
- [Delyoz ZH., Gvattari F. Tysyacha plato. Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. – 895 s.]
- Иванов С.А. Информационная война: сущность и основные формы проявления // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2. Т. 2. С. 276–279.
- [Ivanov S.A. Informacionnaya vojna: sushchnost' i osnovnye formy proyavleniya // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2. Т. 2. С. 276–279]
- Кашин В.Б. Гибридная война // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 1. С. 105–111.
- [Kashin V.B. Gibridnaya vojna // Rossiya v global'noj politike. 2020. Т. 18. № 1. С. 105–111]
- Кейзеров Н.М. Идеологические диверсии. М.: Мысль, 1979. – 276 с.
- [Kejzerov N.M. Ideologicheskie diversii. M.: Mysl', 1979. – 276 s.]
- Клайн Р. ЦРУ. От Рузвельта до Рейгана. М.: Liberty Publ., 1989. – 411 с.
- [Kejzerov N.M. Ideologicheskie diversii. M.: Mysl', 1979. – 276 s.]
- Клаузевиц К. фон. О войне. М.: Яуза, 2023. – 160 с.
- [Klauzevic K. fon. O vojne. M.: YAuzza, 2023. – 160 s.]
- Комлева Н.А. Гибридная война: сущность и специфика // Известия Уральского федерального университета. 2017. № 3. С. 128–137.
- [Komleva N.A. Gibridnaya vojna: sushchnost' i specifika // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. 2017. № 3. С. 128–137]
- Кузнецов И.И. Трансформация форм войны в современной политике // Гибридные войны в хаотизирующемся мире / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 292–309.
- [Kuznecov I.I. Transformaciya form vojny v sovremennoj politike // Gibridnye vojny v haotiziruyushchemsya mire / pod red. P.A. Cygankova. M.: Izd-vo MGU, 2015. С. 292–309]
- Лайнбарджер П. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. М.: Центрполиграф, 2013. – 445 с.
- [Lajnbardzher P. Psihologicheskaya vojna. Teoriya i praktika obrabotki massovogo soznaniya. M.: Centrpoligraf, 2013. – 445 s.]
- Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Научное издание, 2007. – 464 с.
- [Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M.: Nauchnoe izdanie, 2007. – 464 s.]
- Манойло А.В., Пономарева Е.Г. Современные информационно-психологические операции: технологии и методы противодействия // Обозреватель–Observer. 2019. № 2. С. 5–17.
- [Manojlo A.V., Ponomareva E.G. Sovremennye informacionno-psihologicheskie operacii: tekhnologii i metody protivodejstviya // Obozrevatel'–Observer. 2019. № 2. С. 5–17]
- Панарин И.Н. Китай: усиление сверхдержавы // URL: <http://panarin.com/diplomat/30-kitay-usilenie-sverhderzhavy.html>
- [Panarin I.N. Kitaj: usilenie sverhderzhavy // URL: <http://panarin.com/diplomat/30-kitay-usilenie-sverhderzhavy.html>]
- Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Поколение, 2012. – 260 с.
- [Panarin I.N. SMI, propaganda i informacionnye vojny. M.: Pokolenie, 2012. – 260 s.]

- Паршин П.П. Глобальное информационное общество и мировая политика // Аналитические доклады ИМИ МГИМО. 2009. Вып. 2. – 37 с.
- [Parshin P.P. Global'noe informacionnoe obshchestvo i mirovaya politika // Analiticheskie doklady IMI MGIMO. 2009. Vyp. 2. – 37 s.]
- Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель–Observer. 2021. № 2. С. 5–28.
- [Ponomareva E.G. Protestnoe dvizhenie v Belorussii: evolyuciya, tekhnologii, simvoly // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 2. S. 5–28]
- Пономарева Е.Г., Рябинин Е.В. Кино – инструмент когнитивной войны // Обозреватель–Observer. 2024. № 1. С. 41–57.
- [Ponomareva E.G., Ryabinin E.V. Kino – instrument kognitivnoj vojny // Obozrevatel'–Observer. 2024. № 1. S. 41–57]
- Путин назвал невозможным существование РФ без суверенитета // ТАСС // URL: <https://tass.ru/politika/19533865>
- [Putin nazval nevozmozhnym sushchestvovanie RF bez suvereniteta // TASS // URL: <https://tass.ru/politika/19533865>]
- Пухов Р. Миф о гибридной войне // Независимая газета. 2015. 29 мая.
- [Puhov R. Mif o gibridnoj vojne // Nezavisimaya gazeta. 2015. 29 maya]
- Радилов И.В. Войны-хамелеоны: изменение характера вооружённой борьбы в XXI веке // Гибридные войны в хаотизирующемся мире / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2015. – 160 с.
- [Radikov I.V. Vojny-hameleony: izmenenie haraktera vooruzhyonnoj bor'by v XXI veke // Gibridnye vojny v haotiziruyushchemsya mire / pod red. P.A. Cygankova. M.: Izd-vo MGU, 2015. – 160 s.]
- Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: АСТ, 2024. – 192 с.
- [Sun'-Czy. Iskusstvo vojny. M.: AST, 2024. – 192 s.]
- Хочешь мира, победи мятежевойну. Творческое наследие Е.Э. Месснера. М.: Русский путь, 2005. – 483 с.
- [Hochesh' mira, pobedi myatezhevoynu. Tvorcheskoe nasledie E.E. Messnera. M.: Russkij put', 2005. – 483 s.]
- Arquilla J., Ronfeldt D., Tofler A., Tofler H. Athena's Camp: Preparing for Conflict in the Information Age. Santa-Monika // RAND Corporation, 1997. P. 275–294.
- Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-Centric Warfare: Its Origins and Future // Proceedings. US Naval Institute, 1998. January. Vol. 124. P. 28–36 // URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1998/january/network-centric-warfare-its-origin-and-future>
- Glenn R.W. All Glory Is Fleeting. Insights from the Second Lebanon War. Santa Monica, Ca Rand: National Defense Research Institute, 2012. – 97 p.
- Kilcullen D., Pendleton G. Future urban conflict technology and the protection of civilians: Real-World Challenges for NATO and Coalition Missions. The Stimson Center // URL: <https://www.stimson.org/2021/future-urban-conflict-technology-and-the-protection-of-civilians/>
- Krulak Ch. The Strategic Corporal: Leadership in the Three Block War // Marines Magazine. 1999, January // URL: <https://www.mca-marines.org/wp-content/uploads/1999-Jan-The-strategic-corporal-Leadership-in-the-three-block-war.pdf>
- Mattis J.N., Hoffman F.G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine // URL: <http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>

- Mumford A.* Proxy Warfare and the Future of Conflict // The RUSI Journal // URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03071847.2013.787733?scroll=top&needAccess=true>
- Parameswaran P.* Are We Prepared for 'Hybrid Warfare'? // The Diplomat // URL: <https://thediplomat.com/2015/02/are-we-prepared-for-hybrid-warfare/>
- Sadowski D., Becker J.* Beyond the "Hybrid" Threat: Asserting the Essential Unity of Warfare // Small Wars Journal. 2010 // URL: <https://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/344-sadowski-et-al.pdf>
- The National Defense Strategy of the United States of America // Department of Defense // URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2005_NDS.pdf

Статья поступила в редакцию 9 июля 2024 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)